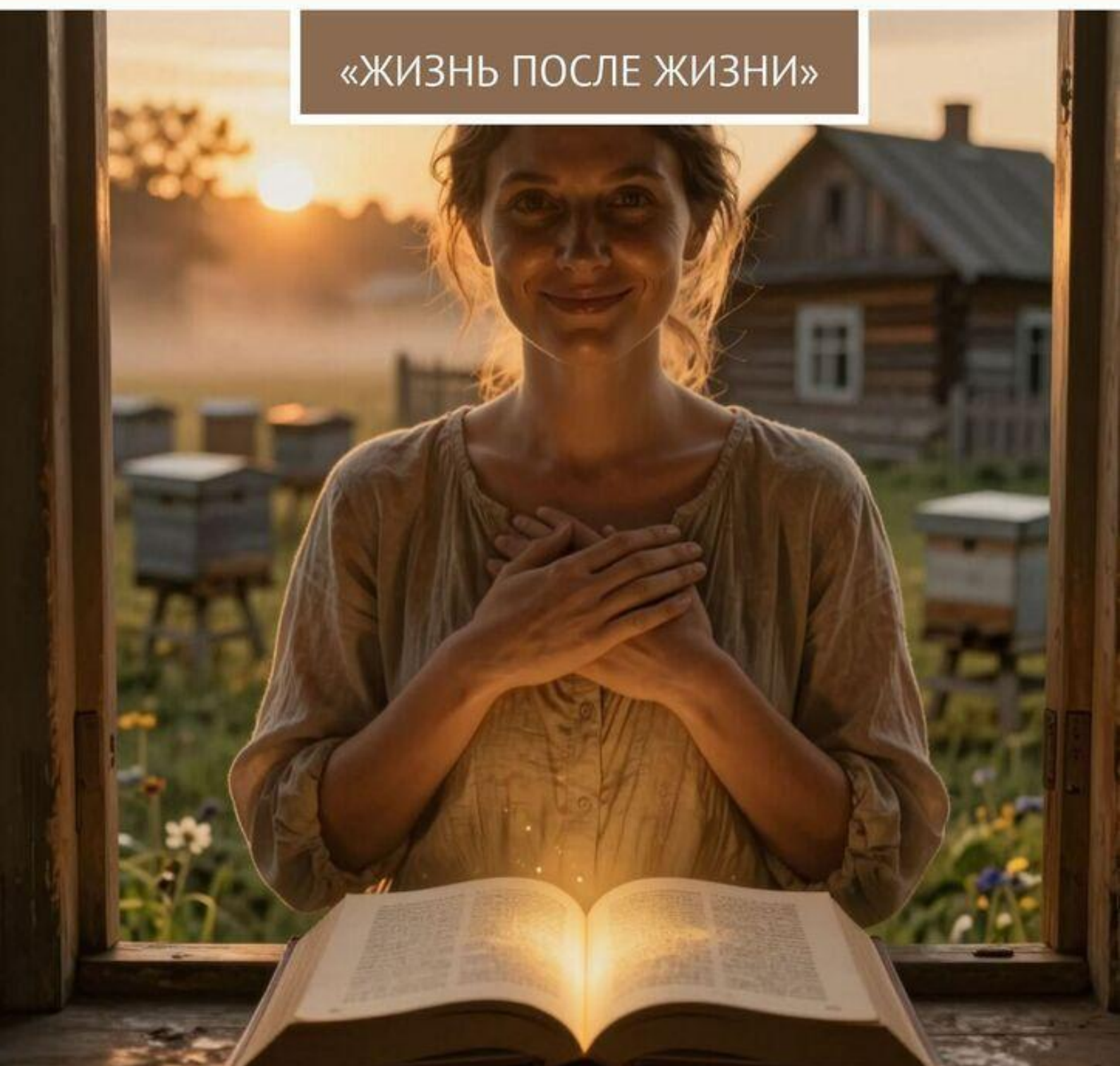

18+

ДМИТРИЙ ГОЛЯКОВ

Пчеловод

«ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ»

Дмитрий Голяков

Пчеловод. Жизнь после жизни

«Издательские решения»

Голяков Д.

Пчеловод. Жизнь после жизни / Д. Голяков — «Издательские решения»,

Она боялась своего дара. Убежала в город. Вырастила сыновей. Похоронила одного. Умерла сама. А потом вернулась. В новой жизни, с новым именем, но с той же душой. Она написала книгу о том, что помнит. Нашла дом, который когда-то покинула. Встретила правнучку, которая не боялась её правды. И наконец перестала бояться сама. Это история о том, как страх уходит, когда находишь себя. И о том, что любовь не умирает.

© Голяков Д.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. ГРАНИЦА	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Пчеловод Жизнь после жизни

Дмитрий Голяков

© Дмитрий Голяков, 2026

ISBN 978-5-0071-4589-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. ГРАНИЦА

Людмила умерла во сне.

Она не почувствовала этого — просто перестала дышать. Сердце остановилось, мозг отключился, и она провалилась в темноту. Но темнота длилась недолго.

Она открыла глаза.

Вокруг было марево — не страшное, не пугающее, а спокойное, как утро перед рассветом. То, на чём она лежала, не было облаком — облака не пахнут мёдом и не держат вес. Но это держало, и от этого пахло, и Людмила не двигалась, потому что не знала, нужно ли ей двигаться.

— Где я? — спросила она вслух.

— На границе, — ответил голос.

Людмила обернулась. Рядом стоял Андрей. Не прозрачный, не светящийся — обычный, в той самой куртке, в которой его хоронили. С татуировками на руках. С насмешливым прищуром.

— Андрюша? — прошептала она.

— Здравствуй, мам.

— Я умерла?

— Да. Только что. Во сне.

— А ты? Ты здесь?

— Провáжаю. Моя работа.

— Куда?

— К твоим. К тем, кто ждёт.

Она села. Тело было лёгким, почти невесомым. Она посмотрела на свои руки — прозрачные, но не холодные. Потёрла большой палец о указательный — кожу сводило, как от долгого контакта с воском.

— Я боюсь, — сказала она и сама удивилась голосу: тихо, но без дрожи. Странно — она боялась, но не смерти. Она боялась того, что ждало за чертой, того, чего не знала.

— Не бойся. Не больно.

— Я не о боли. Я о том, что там.

— Встретят. Объяснят. Покажут.

— Кто?

— Наставник.

— У меня есть наставник?

— У всех. Просто не помнишь.

Людмила хотела спросить ещё, но слова застряли в горле. Она смотрела на Андрея — сына, которого похоронила, — и не могла поверить, что он стоит перед ней. В той самой куртке с облупившимися нашивками. С татуировкой на запястье, которую он сделал в семнадцать лет, тайком от неё.

Андрей протянул руку. Людмила взяла её — пальцы были живыми, под кожей проглядывали тёмные вены, и она вспомнила, как в детстве он хватал её за палец и не отпускал, даже когда засыпал.

— Пойдём.

Они пошли по мареву. Вокруг не было ничего — только туман во все стороны. Но Андрей шёл уверенно, будто знал дорогу.

— Как ориентируешься? — спросила Людмила.

— Чувствую. У каждого проводника свой ориентир. У меня — ты.

— Я?

— Ну да. Куда веду — туда и иду.

Шли долго. Людмила не чувствовала усталости — только лёгкое покачивание, будто плыла по реке. Где-то на грани слышимости гудел низкий, ровный звук — как ульи в июле, как провода в сырую погоду.

Марево расступилось. Впереди — свет. Не яркий, не ослепляющий, а густой, медовый, как закат на пасеке.

— Проход, — сказал Андрей. — Дальше не могу.

— Оставляешь?

— Проважая до границы. А дальше сама.

— Не знаю, куда идти.

— Знаешь. Просто не помнишь.

Он обнял. Крепко, по-сыновьи. От его куртки пахло чем-то неуловимым — не табаком, не машиной, а чем-то, чему нет названия в живом мире.

— Прощай, мам.

— Увидимся?

— Когда закончишь свои дела. Или я — свои.

— Буду ждать.

— И я.

Он отступил, и Людмила шагнула в свет.

Она оказалась в комнате.

Белые стены, высокий потолок. Свет лился ниоткуда — не от лампы, не от окна, а из самого воздуха, как если бы воздух был соткан из дня. Посередине — дубовый стол, потёртый, с кольцами от кружек на крышке. На столе лежала старая книга в кожаном переплёте. Скамьи вокруг — вырезанные из тёмного дерева, прохладные на ощупь, гладкие от тысяч рук, которые сидели здесь до неё. За столом сидел мужчина.

Старый, с длинной седой бородой. От него пахло лесом — не парфюмом с нотами хвои, а настоящим: мхом, сырой землёй, дымом от костра.

— Здравствуй, Людмила. Я ждал тебя.

— Кто вы?

В комнате повисла тишина — не пустая, а наполненная, как пауза перед важным разговором. Людмила чувствовала, как от книг на полках разливается что-то ровное, безымянное. Пахло пылью, бумагой и чем-то горьковатым — как в старой сельской библиотеке перед закрытием. Где-то за стеной мерно капала вода — не раздражающе, а как метроном, задающий темп чему-то безымянному.

— Твой наставник. Меня зовут Николай.

— Как моего отца?

— Как твоего отца. Но я не он.

— Вы были человеком?

— Был. Давно. Теперь помогаю душам вспомнить.

— Вспомнить что?

— Кто они. Зачем здесь. — Он помолчал. — Куда идут.

Он показал на стул. Людмила попыталась встать — ноги не слушались, будто затекли. Ударилась коленом о ножку стола. Кружка звякнула, но не упала — потому что была пуста. Людмила покраснела.

— Тело новое, — сказал Николай. — Привыкнет.

Она потянулась к полке — рука скользнула по корешку, и свиток выскользнул, покатился по полу, разворачиваясь. Людмила бросилась поднимать, запуталась в полотне, покраснела ещё сильнее. Николай не помог. Ждал.

Людмила села. Книга раскрылась сама.

- Что это?
- История твоей души. Все жизни.
- Сколько?
- Много. Но поговорим только о последней.
- Почему?
- Ты не выполнила задание.
- Какое?
- Должна была принять свой дар. Испугалась.
- Не хотела быть особенной.
- Ты и не была особенной. Была собой. Но боялась себя.

Николай помолчал. Перелистнул страницу.

На ней появилось изображение — маленькая девочка с косичками, бежит по деревенскому двору. За ней — тень старика, тянет руку, будто хочет догнать.

— Это я, — сказала Людмила.

— Смотри.

Девочка бежала по двору. Вдруг остановилась, повернула голову. Тень старика стояла рядом — прозрачная, дрожащая. Девочка замерла. Потом закрыла глаза ладонями, присела на корточки, сжалась в комок.

— Помню, — сказала Людмила. — Дед пришёл попрощаться. Я увидела его и...

Не договорила. Помнила — как прятала. Как закрывала глаза, когда видела тени. Как говорила себе: «Это не по-настоящему». Только теперь, с этой стороны, было видно, сколько сил она тратила на то, чтобы не видеть.

— Спрятала дар, — сказал Николай. — Глубоко.

— Думала, так лучше.

— Так было легче. — Он закрыл книгу. — Но не лучше.

Картинка сменилась. Людмила взрослая, стоит на перроне, держит чемодан. Позади — деревня, впереди — город.

— Уезжала, — сказала она. — Насовсем.

— Бежала.

— Хотела быть нормальной.

— Была нормальной. Другой.

— Не хотела быть другой.

Николай закрыл книгу.

— Теперь решай. Можешь остаться. Стать наставницей. Или вернуться — в новом теле, в новой жизни. Попробовать снова.

— А сыновья? Увижу?

— Не в этой жизни. Но встретитесь потом.

— Не хочу ждать.

— Тогда оставайся.

— Что буду делать?

— Учиться. Анализировать. Помогать другим.

Людмила смотрела на стол, на кольца от кружек, на трещину в крышке, которая шла от края к центру, как река на карте. Четыре предложения — и вся оставшаяся вечность.

— А если я не хочу? — спросила она.

Николай не удивился.

— Тогда вернётся. Новое тело, новая жизнь.

— И забуду всё?

— Всё.

— И вас?

— Меня — нет. Меня не забывают. Просто перестают слышать.

Людмила смотрела на свои руки. Прозрачные, с восковым привкусом на пальцах. «Не хочу» — прозвучало в ней снова, и она услышала его иначе. Не нежелание. Знакомый голос. Тот самый, который говорил ей в пять лет: «Закрой глаза, и тень уйдёт». В двадцать — «Уедешь в город, и всё забудется». В шестьдесят — «Не рассказывай сыновьям, им страшнее».

— Это тоже страх, — сказала она тихо.

— Что? — спросил Николай.

— «Не хочу». Это страх. Я думала, что хочу остаться, потому что готова. А хочу остаться, потому что боюсь начинать снова.

Николай не ответил. Ждал.

— Если я вернусь и снова не справлюсь?

— Вернёшься. Будешь пробовать. Столько, сколько нужно.

— А если хочу остаться не от страха, а потому что правда хочу?

— Тогда оставайся.

— Как отличить?

— Не сразу. — Он помолчал. — Но отличишь.

Людмила молчала. За стеной — или там, где должны были быть стены, — гудел тот же низкий звук, ровный, как дыхание спящего. Она думала о сыновьях. О Диме, который писал книги, не зная, что пишет о матери. Об Андрее, который провожал её через границу и ушёл, не оглянувшись, потому что не умеет оглядываться. О том, что остаться — значит не увидеть, как они живут. А вернуться — значит забыть, что они вообще существуют.

— Остаюсь, — сказала она.

— Не торопись.

— Думала всю жизнь. Готова.

Она вышла. За дверью — длинный коридор, белый, с множеством дверей. Из-за некоторых доносились голоса, из-за других — тишина. Людмила шла медленно, прислушиваясь. Где-то внутри пульсировало — ровно, как второй пульс, только медленнее.

Она остановилась у двери, за которой пульс был сильнее всего, и толкнула.

Круглый зал. В центре, на низких скамьях, сидели люди. Души светились разными цветами — золотым, серебряным, голубым. Смотрели на Людмилу.

— Здравствуй, сестра, — сказала женщина с золотым свечением. — Ждали тебя.

— Кто вы?

— Твоя группа. Проходим жизни вместе. Тысячи лет.

— Не помню вас.

— Вспомнишь. Не сейчас, но постепенно.

Женщина подошла, обняла. От неё пахло цветами — не духами, а живыми, сорванными с грядки.

— Я — твоя духовная сестра. В прошлой жизни была твоей матерью.

— Мамой? — Людмила вздрогнула. — Но мать умерла, когда я была маленькой.

— Тело умерло. Душа — здесь. Ждала тебя.

— Скучала по тебе.

— И я. Садись, начинаем.

Людмила села на свободную скамью. Группа замолчала. Из центра зала поднялся шар — не светящийся, а скорее плотный, как сгусток воздуха. Если смотреть на него прямо, он был невидим; если краем глаза — мерцал.

— Это наставник, — сказала духовная сестра. — Он ведёт занятие.

Шар заговорил — голос спокойный, ровный, без эмоций.

— Сегодня анализируем жизнь Людмилы. Задание — принять дар. Не выполнено.

— Знаю, — сказала Людмила.

— Почему испугалась?

— Не хотела быть особенной. Хотела как все.

— Но ты не как все. Ты часть нашей группы. Задача — нести свет. Несла, но не принимала.

— Боялась, что будут смеяться.

— Боялась не этого.

— Чего же?

— Себя.

Людмила опустила голову.

— Может быть.

С соседней скамьи поднялась душа — тёмная, с синим отливом. Женщина лет сорока, с жёстким лицом и тонкими губами. Смотрела без улыбки.

— А я бы испугалась тоже, — сказала она. — Если бы дар приносил мне только насмешки и одиночество. Может, задание было слишком трудным?

— Задание всегда соответствует уровню души, — ответил шар.

— Соответствует? — женщина усмехнулась. — Ей было пять, когда она увидела мертвеца. Пять. Какой ребёнок справится?

— Марина, — мягко сказала духовная сестра. — Мы все проходили через трудное.

— Проходили. И некоторые сломались. А потом их записали в «не выполнивших». Удобная формулировка.

В зале стало тихо. Людмила посмотрела на Марину — та не отводила глаз. В них не было злости — была усталость. Старая, привычная, как рубец, который ноет в непогоду.

— Не согласна с тем, как устроена система? — спросил шар.

— Не согласна, что от пятилетнего ребёнка требуют принять то, чего боятся взрослые.

— Это было её задание.

— Ваше задание. Для неё.

Марина села. Больше не говорила. Но Людмила была благодарна ей — впервые с тех пор, как умерла, она услышала не утешение, а правду. Пусть неприятную, пусть спорную, но живую.

После занятия духовная сестра подвела её к экрану во всю стену.

— Покажу тебе твою жизнь. Один раз. Больше не нужно — всё запомнишь.

На экране — маленькая Людмила сидит на крыльце, смотрит на лес. Потом — школа, дети дразнят, она плачет. Потом — перрон, чемодан, поезд. Потом — Дима и Андрей, маленькие, играют во дворе. Потом — старость, одиночество, сон, темнота.

Всё промелькнуло за несколько минут. Жизнь, которая казалась длинной, уместилась в один короткий просмотр.

— Видишь, — сказала сестра. — Всегда выбирала страх.

— Безопасность.

— Одно и то же?

— Нет. Безопасность — когда защищена. Страх — когда парализована.

— Была защищена?

— Нет. Парализована.

Экран погас.

— Хватит. Поняла.

— Что именно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.